



Фрагмент из спектакля
«Сад священника».
Фото Сергея СМЕРНОВА.

Мутации по Бежару

Два спектакля показала в Москве труппа Мориса Бежара — «Метаморфозы» в Большом театре и «Дом священника не потерял своего шарма, сад — своей роскоши» в Кремлевском Дворце съездов.

Эти два балета были выбраны не случайно. Как политическая и гуманистическая акция стареющего художника. Бежар катает эти балеты по всему миру и гонорары передает в фонд борьбы со СПИДом. Но вряд ли Бежар, работающий сегодня как гуманитарный гринпис, понимал, куда привез свои манифесты: в России эра милосердия закончилась, а эра политкорректности так и не наступила — избавляя мир от СПИДа, вас могут запросто довести до инфаркта.

С прессой, призванной донести до масс гуманистический посыл спектаклей, организаторы обхаживались, мягко говоря, невежливо. Практически всем было грубо предложено купить билеты за двести баксов или, довольствуясь входным билетом, самостоятельно поискать место для работы в Большом и КДС.

Цинизм ситуации заключался в том, что акция Бежара, преследовавшая цели высокой благотворительности, превратилась благодаря организаторам проекта в голое коммерческое предприятие. Мутация, о которой Бежар и не подозревал.

Уже разразился скандал, ответственность за который организатор гастролей «Альфа-банк» перекладывает на Большой, Большой — на «Альфа-банк». На фоне разборок, кто у кого «украл миллион» споры о том, что увидит журналист с третьего яруса, показались просто мелочью.

Не нужны были ни бинокль, ни место в партере, чтобы понять, что последнее сочинение Бежара «Метаморфозы» (правильный перевод «Мутации») к искусству отношения не имеет. Скорее, к искусному агитплакату, но от высокородных купюр: маэстро Бежара и Версаке. Проекция ядерного взрыва и экологических бедствий. Кордебалет в противогасах. Светоимитации кислотного дождя и смога. Выкрики в зал с просьбой не взрывать мир, а дать еще пожить немного и потанцевать, заставлявшие публику испуганно кивать в ответ.

Аксессуары, которыми раньше Бежар так умело жонглировал, будь то шарф в «Айседоре» или крест из белой ткани в «Нижинском», на сей раз играли роль наглядных пособий по гражданской обороне, будь то последний стакан чистой воды или последний живой апельсин.

Прежний Бежар — остроумный, легкий, ироничный — едва-едва

проступал в местах вдохновенно сочиненных соло для Жилья Романа, согласованном синхроне групп и кордебалетов. Но талант сочинителя танцев словно дал сбой. Спасало одно — перед нами все-таки был создатель «Болеро» и «Весны священной», «Айседоры» и «Петрушки», а потому мучительно хотелось понять, почему Бежара-художника вытеснил Бежар-публицист? Он пытается быть моложе, актуальнее, он ловит язык, на котором говорит сегодня мир, он конъюнктурен или просто исчерпан? Или в новой культурной среде, колоссально измененной когда-то его же «Балетом XX века» метафизический гений Бежара мутировал до плаката, усредненного Бродвея?

Проще всего после «Мутаций» сказать, что Бежар, перепеваящий себя, перешел на старческий лепет и занимается спасением человечества вместо сочинения танцев. Если бы не «Сад священника», шоу поставленное в январе 1997 года. Балет, посвященный памяти его любимого танцовщика Хорхе Донна и певца Фредди Меркьюри и всем, кто в молодом еще возрасте умер от СПИДа, — при всем его грандиозном шоу-размахе — камерный и интимный. Бежар словно перелистывает страницы дневника. И тогда коронные шлягеры Фредди соединяются с пластическими шлягерами Бежара, сделанными для Хорхе Донна. Он находит единый образ, объединяющий этих гениев — Клоун Божий. Так когда-то назывался его балет о Нижинском, главную роль в котором исполнил Хорхе Донн. Пластические реминисценции «Влюбленного солдата», Петрушки, Нижинского — радостны, как любимые воспоминания.

На поклонах в «Саду священника» Бежар выводил артистов на авансцену, и сквозь рев толпы они делали шаг навстречу залу. В финале «Мутаций» Жиль Роман застывает среди искусственных цветов, рассаженных по грядкам, как морковка, с крохотной девчушкой на руках в позе Сикстинской мадонны. Бежар-философ, Бежар-поэт не может не понимать, что такое китч. Но, может быть, сегодня ему важнее любыми средствами убедить зрителя в том, что миф о божественном андрогине не умер. Он просто становится другим.

Дом священника не потерял своего шарма, но это уже не дом священника.

Ольга ГЕРДТ.